

Как при Сталине охраняли «священную социалистическую собственность»*

В.И. ИСАЕВ, Институт истории СО РАН. E-mail: history49@mail.ru **Д.Ю. МИХЕЕВ**, Новосибирский военный институт ВВ МВД РФ. E-mail: dimamix@list.ru

В статье рассматриваются проблемы борьбы с хищениями государственной и общественной собственности в СССР на примере принятого в августе 1932 г. «закона о колосках». Показаны масштабы репрессивной кампании по этому закону в Западной Сибири, особенности судебной практики в условиях тоталитарного государства.
Ключевые слова: собственность, уголовное законодательство, коррупция, хищения, репрессии, судебные органы, Западная Сибирь

Масштабы хищений и коррупции в современной России и беспомощность правоохранительных органов в борьбе с этим злом заставляют некоторую часть нашего населения с ностальгическим унынием восклицать: «Сталина на них не хватает! Расстреляли бы сотню-другую казнокрадов, и был бы порядок».

Утверждение о том, что при Сталине якобы был порядок, основывается на ошибочных, но очень распространенных представлениях: чем жестче законы, тем меньше воруют. Но, как показывает исторический опыт, одним ужесточением законов социальные проблемы решить невозможно. Более того, чрезмерная жестокость закона, скорее, провоцирует беспорядок и создает правовой тупик, из которого рано или поздно придется искать выход.

В обыденном сознании российского населения бытует представление о том, что **при Сталине государство эффективно боролось с ворами и казнокрадами**. В народной памяти до сих пор живо воспоминание о так называемом «законе о пяти колосках». Смысл неофициального народного названия этого

* Работа подготовлена при поддержке РФГНФ (проект 12-01-00224а «Суды Сибири в системе управления регионом. 1920–1938 гг.»).

закона состоит в том, что за пять колосков, унесенных с колхозного поля, человек мог получить расстрел или 10 лет лишения свободы, по два года за каждый колосок.

Исторические условия

Для понимания причин принятия такого жестокого закона проанализируем общественно-политический контекст, в котором стал возможным этот организованный государством «беспредел». С переходом в конце 1920-х гг. к форсированному строительству социализма изменение существовавшего законодательства в сторону ужесточения наказаний стало довольно широко использоваться государством. Суровая, а по существу карательная политика стала одним из основных методов, призванных заставить население СССР подчиниться принятому большевистской партией курсу развития страны.

Усиление чрезвычайных репрессивных мер в советском законодательстве было тесно взаимосвязано с разворачиванием масштабных мероприятий по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Основной удар был нанесен по крестьянству: многомиллионные массы народа были сорваны со своих привычных мест обитания, лишены собственных источников существования. В городах с началом индустриализации не хватало продуктов питания и других товаров народного потребления, была введена карточная система их распределения. В таких обстоятельствах мелкие хищения колхозного или государственного имущества стали для многих людей одним из вынужденных способов выживания.

Поднявшуюся волну хищений государственного и колхозного добра власть решила остановить усилением карательных мер. Тогда и было принято постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В нем объявлялось, что граждане, посягнувшие на социалистическую собственность, отныне считаются врагами народа. Главной мерой наказания должен быть расстрел, и только при наличии смягчающих обстоятельств высшая мера

могла быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества¹.

Разумеется, хищения имущества, упомянутые в постановлении, и раньше рассматривались как уголовно наказуемые деяния, но теперь степень их общественной опасности стала оцениваться в качественно ином диапазоне. Государство признавало хищение «социалистической» собственности тягчайшим преступлением, подрывающим основы советского строя, и резко усиливало моральную и уголовную ответственность за имущественные преступления.

Важно подчеркнуть, что с правовой точки зрения новый закон выглядел просто абсурдным, из-за несоизмерности тяжести преступления и предполагаемого за него наказания. За все мелкие или крупные хищения предусматривалось по существу только две меры – расстрел или 10 лет лишения свободы. Еще одним отступлением от норм современного права было нарушение принципа – закон обратной силы не имеет. В секретной инструкции Верховного суда судам предписывалось руководствоваться им при рассмотрении дел о хищениях общественного имущества, даже возникших до его принятия, «в случае, когда преступления имеют общественно-политическое значение»².

Необычность нового закона и практики его применения была связана с тем, что фактически его автором являлся сам И.В. Сталин, предложивший в июле 1932 г. членам Политбюро ЦК ВКП(б) в срочном порядке принять составленный им проект. Сталин, конечно, осознавал, что предлагаемые им меры неоправданно жестоки и могут вызвать недоумение и критику. В письме Молотову и Кагановичу, написанном не позднее 24 июля 1932 г., он выдвигает аргументы против возможных противников введения смертной казни за хищения общественного имущества. Если частная собственность при капитализме считается священной и неприкосновенной, то и общественная собственность в условиях социализма должна рассматриваться подобным же образом.

«Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элемен-¹ Известия. – 1932. – 8 авг.

² Летопись Новосибирского областного суда (1923–2003). – Новосибирск, 2003. – С.103.

ты и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового

общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной», – писал Сталин³.

Однако, схоластически подводя теоретическую базу под введение смертной казни за кражу «священной» общественной собственности, Сталин не желает замечать, что таким образом отбрасывался современный принцип соразмерности наказания тяжести преступления и по существу восстанавливалась средневековая практика, когда для **правлящего класса целью наказания было, прежде всего, устрашение и подчинение зависимого населения.**

Масштабы репрессий

Авторитет вождя к тому времени был почти непререкаем, постановление было принято в сталинской редакции. Вокруг нового закона сразу же была организована шумная пропагандистская кампания, на его реализацию были брошены все силы правоохранительных органов СССР, под особый контроль была взята отчетность по его применению партийными и государственными органами. Только до 1 января 1933 г. в РСФСР по новому закону было осуждено 76961 человек, из них к высшей мере приговорено 2588, к 10-летнему заключению – 49360 чел., (остальные были осуждены по ч. 3 Постановления, предусматривавшей другие меры наказания). С 1 января по 1 мая 1933 г. было осуждено 81253 человек, из них к высшей мере приговорено – 4183, к 10-летнему сроку – 68329 человек; в период с 1 мая по 1 июля 1933 г. соответственно – 49689, 1392 и 41219 человек⁴. Отметим, что данная статистика учитывает только вступившие в законную силу судебные приговоры; кроме того, значительная часть репрессированных была осуждена во внесудебном порядке органами ОГПУ.

Приведенные цифры показывают широкие масштабы репрессий, развернувшихся в ходе реализации нового закона.

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. – М., 2001. – С. 240–241.

⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. – Т. 2. – С. 300–301.

Кроме того, они опровергают утверждения некоторых авторов, что применение высшей меры по данному закону было крайне редким, так как судьи старались смягчить приговоры, исходя из ранее существовавшей практики относительно мягких наказаний по имущественным преступлениям. Вместе с тем появлявшиеся в период «перестройки» утверждения о миллионах крестьян, ставших жертвами данного закона, тоже представляются явно преувеличенными⁵.

В Западно-Сибирском крае менее чем за месяц после принятия нового закона – по состоянию на 1 сентября 1932 г. – было осуждено 245 человек. Из них к расстрелу приговорено 14 чел. По данным на 1 октября 1932 г. насчитывалось уже 2895 осужденных, к расстрелу приговорен 101 чел. (3,5%), а к лишению свободы на срок свыше 10 лет – 1891 (65,1%)⁶.

Партийные органы Западной Сибири строго контролировали внедрение закона от 7 августа 1932 г. в судебную практику. Краевой суд получил предписание ежемесячно представлять сведения об осужденных по данному закону в крайком ВКП(б). Руководство Западно-Сибирского края рапортовало в Москву, что только за первые четыре месяца применения нового закона было осуждено 13237 чел., при этом в составе осужденных 85% составили крестьяне⁷.

Приговоры к расстрелу по данному закону в Западной Сибири, как и в других регионах, были далеко не редкостью. Так, только за июль, август, сентябрь 1933 г. из 481 дел, содержащих приговоры к высшей мере наказания и поступивших на кассационное рассмотрение в Верховный Суд СССР, 61 дело (12,7%) поступило из Западно-Сибирского краевого суда. Больше число смертных приговоров было только в Северо-Кавказском (26,7%), Восточно-Сибирском (15,6%) и Средне-Волжском (14,3%) краях⁸. В целом на Западную и Восточную Сибирь пришлось 28,3% кассационных рассмотрений по данным видам приговоров.

⁵ См., например: Аргументы и факты. – 1989. – № 5. – С.6.

⁶ ГАНУ. – Ф. – П–32. – Оп. 2. – Д. 376. – Л. 54

⁷ Палков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997. – С.61.

⁸ ГАНУ. – Ф. – Р– 1027. – Оп. 6. – Д. 23. – Л. 37–38..

Вопреки пропагандистским заявлениям органов печати и партийных агитаторов, что закон направлен против так называемых «врагов народа», под которыми понимались представители «социально чуждых» слоев населения, на самом деле **перед судом представляли в основном простые люди, как правило, не являвшиеся противниками существовавшей власти.** Так, в 1933 г. в Западно-Сибирском крае за преступления, подпадающие под данный закон, по данным на 1 августа, было осуждено 6117 человек. Из них колхозники – 74,9% (4580 чел.), работники совхозов – 9,9%, промышленности – 4,3%, торговли – 2,2%, работники других учреждений и предприятий – 0,5–1,7%⁹.

Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. на 10 лет лишения свободы были осуждены 78,9%. По социальному составу среди таких осужденных единоличники-«кулаки» составили 8,8%, середняки – 17%, бедняки – 14,4%, колхозники – 32%, служащие – 1%¹⁰. Таким образом, все социальные группы населения равномерно оказывались представленными в делах о подобных преступлениях, что говорит только о том, что тяжело жилось всем. Но партийно-советский аппарат по сложившейся уже привычке пытался доказать наличие злого умысла, прежде всего, у представителей «социально чуждых» групп.

А если уж действительно в хищениях соцсобственности оказывались замешаны бывшие «кулаки», то пощады им не было. Заместитель председателя Западно-Сибирского краевого суда Вежан в марте 1934 г. направил следующую телеграмму в Славгородский народный суд: «Посылаем вам дело Деревянных и др. в числе 20 человек по Закону от 7 августа 1932 г. для рассмотрения от имени Краевого суда. Учитывая социальное положение подсудимых, судимость их в прошлом... считаем возможным ...подвергнуть расстрелу». Вскоре Славгородский нарсуд послушно вынес трем подсудимым смертный приговор, остальные получили различные сроки лишения свободы¹¹.

⁹ Г АНО. – Ф. – Р–47. – Оп. 5. – Д. 175. – Л. 99.

¹⁰ Там же. – Л. 124.

¹¹ Г АНО. – Ф. – Р – 1027. – Оп. 8. – Д. 22. – Л. 32–34.

В составе рассмотренных судами дел число преступлений, связанных с хищениями соцсобственности, резко выросло, они заняли одно из первых мест. Так, в Новосибирске в 1933 г. количество таких преступлений по сравнению с 1932 г. увеличилось более чем в 5,2 раза¹². В целом, с момента принятия закона от 7 августа 1932 г. до начала 1937 г. в Западно-Сибирском крае было осуждено по данному закону 23630 чел., что составило 37,7% от всех осужденных¹³.

При этом большинство осужденных поплатились жизнью или свободой за мелкие хищения. Например, в Тальменском районе в 1933 г. были осуждены на 10 лет лишения свободы колхозники Демьяненко и Журавлев, первый – за то, что набрал в карманы зерна с колхозного тока, а второй – за то, что видел и не донес¹⁴.

Жертвами уголовного преследования в борьбе за сохранность социалистической собственности часто становились дети или незрелая молодежь. Так, крестьянин Шпицын из Тальменского района, которому едва исполнилось 18 лет, в 1934 г. получил 10-летний срок за то, что унес с маслозавода, где работал, 1,5 кг масла¹⁵.

По материалам судебных процессов можно заметить, что некоторые колхозники и единоличники, чтобы избежать наказания, посылали детей собирать колоски на колхозных полях¹⁶. Как правило, 10-летний срок все же получали родители, а детей передавали в детские дома. Так, в колхозе «Знамя Труда» Уч-Пристанского района 13 августа 1934 г. были задержаны дети бывшего «кулака» Мордвинова, у которых изъяли полмешка колосьев и картофеля с колхозного поля. Был организован показательный процесс, освещавшийся в газетах, на котором глава семейства получил 10 лет лишения свободы¹⁷.

¹² Г АНО. – Ф. – Р–47. – Оп. 5. – Д. 175. – Л. 2.

¹³ Г АНО. – Ф. – Р– 1027. – Оп. 6. – Д. 47. – Л. 116.

¹⁴ Там же. – Д. 23. – Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г АНО. – Ф. – Р–47. – Оп. 5. – Д. 175. – Л. 101.

¹⁷ Г АНО. – Ф. – Р–1027. – Оп. 6. – Д. 23. – Л. 96 об.

Действительно масштабные хищения и казнокрадство могли быть осуществлены не простыми людьми, а теми, кто занимал видное место в партийно-государственной структуре. Но для таких людей действовали особые правила, им многое прощалось. Всем судебным и правоохранительным органам Сибири в 1932 г. был разослан секретный циркуляр из Москвы, в котором говорилось следующее: «ЦКК ВКП(б) обращает особое внимание на формальный подход к возбуждению дел против членов ВКП(б), исключению из партии и т.п. Поэтому в соответствии с решениями ЦКК от 8.09.1931 и 4.01.1922, 14.11.1927 руководствоваться следующим: 1. Участковые прокуроры и народные суды, прежде чем возбудить уголовное дело против членов ВКП(б), обязаны провести предварительную проверку, возбуждать только в тех случаях, когда это обосновано. 2. Народным судьям при рассмотрении дел учитывать личность обвиняемого, личные заслуги и т.п. 3. Участковым прокурорам в течение 24 часов сообщать в крайком партии о делах, возбужденных против ком-мунистов»¹⁸.

Подобные указания наглядно показывали **особый правовой статус партийных функционеров в сложившемся государственно-политическом механизме**. Правда, к тому времени для населения СССР уже стало привычным, что партия большевиков изначально считала себя стоящей над законом. Тем не менее партия не забывала напоминать об этом работникам судов и других правоохранительных органов на тот случай, если кто-либо попытался бы исходить из принципа равенства всех граждан перед законом.

Большинство судей понимали чрезмерную суровость закона от 7 августа 1932 г., его явное несоответствие тяжести совершавшихся преступлений. Об этом говорят данные судебной статистики: если в первые годы после принятия нового законодательства количество привлеченных к уголовной ответственности по данному закону оказалось высоким и наказания были очень суровыми, то в последующие годы число привлеченных и суровость наказания последовательно снижались.

¹⁸ Г АНО. – Ф. – Р– 1027. – Оп. 6. – Д. 16. – Л. 16.

Памятник произволу

Абсурдность применения смертной казни или 10-летнего лишения свободы за любые хищения соцсобственности со временем вынуждены были признать и высшие органы власти. В частности, 27 марта 1933 г. было издано постановление Президиума ЦИК СССР, в котором запрещалось применять закон от 7 августа 1932 г. к рабочим и крестьянам, в первый раз совершившим мелкую кражу общественной собственности и пошедшим на это в состоянии крайней нужды.

По мере спада пропагандистской кампании, связанной с борьбой за сохранность социалистической собственности, происходило сокращение доли и численности осужденных по по этому закону. Это подтверждают сводные данные по Западной Сибири, обобщенные отделом судебной статистики краевого суда. Всего судами края в 1933 г. за хищения соц-собственности было осуждено 15960 чел., из них по закону от 7 августа 1932 г. – 8 238 чел., что составило 51,6% от всех осужденных; в 1934 г. – 11972 чел., из них по данному закону – 3281 чел. (27,4%); в 1935 г. – 7972 чел., по данному закону – 601 чел. (7,5%); в 1936 г. – 6337 чел., по данному закону – 224 чел. (3,5%)¹⁹ (расчёты авторов). **Последовательно убывающая динамика применения «закона о колосках» говорит о том, что судьи старались без давления сверху не прибегать к его использованию, применяя при рассмотрении дел о хищениях**

сообщественности имевшиеся в УК РСФСР другие соответствующие статьи.

Государство предприняло запоздалую попытку восстановления справедливости по отношению к людям, неправомерно осужденным по закону от 7 августа 1932 г. В январе 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, в котором ставилась задача – проверить все принятые за предыдущие годы приговоры по данному закону в плане их соответствия постановлению Президиума ЦИК СССР от 27 марта 1933 г.

Суды на местах получили указание Верховного суда СССР о пересмотре уголовных дел, возбужденных по закону от 7 августа 1932 г. В июле 1936 г. пересмотр дел был завершен. Около 80% всех принятых приговоров было изменено и только 20% оставлено в силе, в результате более

¹⁹ ГАНУ. – Ф. – Р– 1027. – Оп. 6. – Д. 47. – Л. 116.

91 тыс. приговоров из 115 тыс. дел были признаны неправомерными. В связи с пересмотром приговоров было освобождено 37425 заключенных, что составляло около 32% всех осужденных, попавших под проверку²⁰.

Во второй половине 1930-х гг. применение закона от 7 августа 1932 г. носило уже ограниченный характер: в основном в случаях крупных хищений, реже выносилась высшая мера. Так, за хищения социалистической собственности в первом полугодии 1936 г. народные суды Новосибирска осудили 129 человек (что составило 45,1% из общего количества приговоренных к лишению свободы), из них только 16 человек были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. Все они получили по 10 лет лишения свободы²¹.

Таким образом, абсурдность закона «о пяти колосках» была косвенно признана властью, о чем собственно и свидетельствуют последовательное сокращение к 1937 г. количества дел и практика пересмотра приговоров для осужденных по данному закону.

Вместе с тем закону «о пяти колосках» суждено было еще на протяжении многих лет играть роль «огороженного сторожа», который, хотя и дремлет на окраине колхозного поля, но может по собственной прихоти или по приказу председателя вдруг проснуться и выстрелить. Фактически окончательная отмена данного законодательного акта произошла только после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Правда, в нем были названы тоже достаточно суровые (до 20–25 лет лишения свободы), но все же более дифференцированные и соразмерные меры наказания за подобные преступления, а расстрел как высшая мера за подобные преступления уже не предусматривался.

Но закон «о пяти колосках» еще долго оставался в народном сознании и, пожалуй, до сих пор сохраняется как нерукотворный «памятник» сталинскому произволу и государственному террору в 1930-е гг. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. стало одним из мрачных

²⁰ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. – С. 243.

²¹ ГАНУ. – Ф. – Р– 1027. – Оп. 7. – Д. 83. – Л. 40.

образцов большевистского террора и насилия по отношению к собственному народу, примером неправовых действий партийных и государственных органов под формальным прикрытием закона.

Весьма красноречиво подтверждает это письмо Сталина Кагановичу от 26 июля 1932 г., в котором вождь пишет: «Я думаю, что по всем этим трем пунктам (проекта Постановления от 7 августа 1932 г. – *авт.*) нужно действовать на основании закона (“мужик любит законность”), а не на базе лишь практики ОГПУ, при этом, понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а – наоборот – будет усилена и “облагорожена” (“на законном основании”, а не “по произволу” будут орудовать органы ОГПУ)»²². Циничное пренебрежение Сталина к мужику и готовность под прикрытием ширмы законности еще шире использовать репрессивный аппарат ОГПУ для подавления недовольства народа выражены здесь вполне отчетливо.

Таким образом, выработывался типично сталинский стиль управления, при котором массовые незаконные репрессии прикрывались флером законности. В истории тоталитаризма и административно-командной системы управления экономикой, длительное время тормозивших развитие России, «закон о колосках» вполне можно считать символическим выражением отношения сталинского государства к своему народу.

С точки зрения современных задач российского государства, приведенные материалы позволяют сделать вывод, что для борьбы с коррупцией и хищениями наличие чрезвычайно суровых законов не является главным. Скорее, они даже служат фактором, осложняющим такую борьбу: правоохранные и судебные органы вынуждены отвлекаться на рассмотрение множества дел о мелких хищениях, пропагандистская шумиха создает видимость решения проблемы. В то время как **действительно крупные хищения тех, кто имеет власть и доступ к общественному добру, остаются безнаказанными. Только неотвратимость наказания и равная ответственность всех перед законом, а еще лучше – повышенная ответственность для государственных чиновников, могут обеспечить реальные сдвиги в борьбе с этим застарелым российским недугом.**

²² Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936. – С. 245–246.